

МАТЕРИАЛЫ И ИССЛЕДОВАНИЯ ПО ЭТНОГРАФИИ И АНТРОПОЛОГИИ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН

В. Б. ЛУЦКИЙ

ПРОБЛЕМА АРАБСКОГО ЕДИНСТВА *

Одним из наиболее значительных, всемирно-исторических процессов нашей эпохи является распад колониальной системы. В результате этого процесса в корне меняется политическая карта мира. Одно за другим на ней появляются новые независимые национальные государства. Распад колониальной системы ведет к существенным изменениям в привычной для нас этнической карте; он способствует формированию новых наций, новых этнических комплексов.

В национально-освободительной борьбе против империализма почетная роль принадлежит арабским народам. В результате героической освободительной борьбы народы ряда арабских стран завоевали независимость, укрепилось их единство.

Постепенное развитие идеи арабского единства можно наглядно проследить даже по европейской научной литературе. В исторической, этнографической, географической, лингвистической литературе XIX в. нельзя найти ни термина «арабские страны», ни термина «арабские народы», ни представления о том, что эти страны и народы являются единым комплексом. Конечно, и в XIX в. европейские исследователи прекрасно знали, что население Египта, Сирии, Ливана, Палестины, Ирака, Аравии, Алжира, Туниса, Марокко и ряда других стран в своем подавляющем большинстве говорит на арабском языке. Жителей этих стран они обычно называли арабами. Они знали также, что в VII—VIII вв. н. э. все эти страны входили в состав арабского халифата, что в XVI—XVIII вв. почти все они были включены в состав Османской империи. И тем не менее термины «арабские страны», «арабские народы» не применялись к этим странам и народам; об арабских странах как о едином комплексе не говорили.

Речь могла идти о частных комплексах — таких, например, как страны Аравийского полуострова или как арабские области Османской империи (т. е. Сирия, Ливан, Палестина, Ирак; иногда сюда включались Хиджаз и Йемен), или как страны Северной Африки (подразумевая под этим страны Магриба, т. е. Алжир, Тунис и Марокко). Речь могла идти и о более обширных комплексах, чем арабский, — о странах Африки в целом, о странах Азии или странах Передней Азии, о «мусульманских странах» и т. п. Но общеарабского комплекса, охватывающего все арабские страны, европейская наука в то время не знала.

Напротив, в XX в., особенно после Великой Октябрьской социалистической революции и сопутствовавшего ей подъема национально-освободительной борьбы арабских народов, термины «арабские страны», «арабские народы» получили всеобщее признание. Даже противники арабского

* Доклад, прочитанный на заседании Ученого совета Ин-та этнографии АН СССР, посвященном арабским народам, 25 декабря 1956 г.

единства из числа империалистов вынуждены применять эти термины и тем самым признавать наличие общности между арабскими странами, между арабскими народами. В последнее время в европейской литературе начинает появляться, хотя и редко и далеко еще не в общепризнанной форме, термин «арабская нация».

Арабская общественная мысль, более чутко улавливающая объективные процессы, происходящие в арабских странах, естественно, обогнала в этом вопросе европейских исследователей. Уже в последней четверти XIX в. передовой демократический мыслитель Адиб Исхак формулирует идею арабского единства. На рубеже XIX—XX вв. сторонником этой концепции выступает первый пропагандист идей утопического социализма на арабской почве — Абд-ар-Рахман аль-Кавакиби. В начале XX в., в период первой русской революции и пробуждения Азии, идея арабской нации формулируется в программах национальных организаций, в произведениях и памфлетах ряда арабских публицистов, мыслителей, общественных деятелей.

В работе «О праве наций на самоопределение», изданной накануне первой мировой войны, В. И. Ленин писал: «В Восточной Европе и в Азии эпоха буржуазно-демократических революций только началась в 1905-м году. Революции в России, Персии, Турции, Китае, войны на Балканах — вот цепь мировых событий *нашей* эпохи нашего «востока». И в этой цепи событий только слепой может не видеть пробуждения *целого ряда* буржуазно-демократических национальных движений, стремлений к созданию национально-независимых и национально-единых государств»¹.

Стремление к созданию арабского национально-независимого и национально-единого государства возникает в этот период и в арабских странах. Оно находит свое воплощение и в утопиях Абд-ар-Рахмана аль-Кавакиби, и в воззваниях Лиги арабского отечества, возглавлявшейся Наджибом Азури, и в программе арабского тайного общества «аль-Фата», призванного бороться за «независимость страны арабов» и выдвигавшего задачу «возрождения арабской нации»². Эта же тенденция проявилась на «Первом арабском конгрессе», созванном в Париже в 1913 г., хотя на конгрессе обнаружилось и противоположные тенденции.

Однако в этот период единство арабской нации мыслилось обычно как единство арабских народов Азии, а будущее арабское национально-независимое и национально-единое государство мыслилось в границах от Тавра до Аравийского моря, от Синая до Тигра, т. е. тоже в пределах Арабской Азии, без Египта и Магриба³. Так определялись границы этого государства в манифестах Наджиба Азури и в программах национальных организаций. Характерно, что на «Первом арабском конгрессе» представители Египта присутствовали лишь в качестве гостей; официально были представлены только арабские страны Азии.

Именно в Арабской Азии, особенно в таких странах, как Сирия, Палестина, Ирак, входивших в состав Османской империи, в то время была наиболее благоприятная почва для сложения такого единого государства. Между этими арабскими странами тогда не существовало никаких политических границ; в языковом, бытовом, культурном отношении они были едины; с развитием торговли между этими странами складывались довольно тесные экономические связи. Понятно, что население этих стран сознавало себя уже в то время единым арабским народом.

После первой мировой войны на Парижской мирной конференции делегация национального правительства Сирии, образованного в конце

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 20, стр. 378.

² Амин Саид, Ас-Саура аль-Арабийя аль-Кубра, т. I, Каир, 1934, стр. 9—10 (название арабских книг всюду даны в русской транскрипции).

³ См. N. Azougy, Le Réveil de la Nation Arabe, P., 1905, стр. 1; «Аль Му'тамар аль-Араби аль-Авваль» (протоколы Первого арабского конгресса), Каир, 1913, стр. 18.

1918 г. и разогнанного французами в 1920 г., выдвинула требование единства арабских стран Азии⁴. Но колониальный раздел этих стран, произведенный империалистами в результате войны, нанес удар по этому плану; раздел привел к тому, что арабское национальное движение, которое до войны и во время войны было единым во всех этих странах даже в организационном отношении, теперь разделилось на особые сирийские, ливанские, палестинские, иракские, трансйорданские организации, ставившие перед собой специфические для каждой страны или области задачи.

Однако в условиях кризиса колониальной системы, в условиях подъема национально-освободительной борьбы, национально-объединительные тенденции вспыхнули с новой силой, причем не только в арабских странах Азии, но с 1930-х гг. и в Египте.

Успеху этого объединительного стремления способствовало прежде всего сознание солидарности и общности интересов арабских народов в их освободительной борьбе против империализма, сознание того, что 60 миллионов арабов, объединив свои усилия, скорее достигнут результатов, чем 2—3 миллиона сирийцев, или 3—4 миллиона иракцев, или 7 миллионов марокканцев, или 15 миллионов египтян, действующих изолированно друг от друга⁵. Не сразу понимание этой истины проложило себе путь. Но уже в 1920—1940-х гг. оно ярко сказалось в кампаниях арабской солидарности с восстанием рифов в Марокко в 1921—1926 гг., с сирийской революцией 1925—1927 гг. и особенно с борьбой палестинских арабов против английского империализма и его сионистской агентуры в 1929, 1933, 1936—1939 гг.

Эта объективная общность интересов арабских народов в их антиимпериалистической борьбе легла в основу резолюции о задачах коммунистов во всеарабском национальном движении, принятой на конференции коммунистических партий Сирии и Палестины в 1931 г.

«Вся система империалистического господства над арабскими народами, — говорилось в этой резолюции, — основывается не только на их непосредственном закабалении и порабощении, но также и на том, что они произвольно рассеяны на части по указке мирового империализма. Этот раздел ...находится в самом вопиющем противоречии с жизненными интересами арабских народов. Государственные границы, разделяющие их, установлены и поддерживаются насилием империалистов... Эти границы искусственно обессиливают массу арабских народов в их борьбе против чужеземного ига, за свою государственную независимость и национальное объединение...

Суть арабского национального вопроса заключается именно в том, что ...империализм растерзал на куски живое тело арабских народов, держит в состоянии феодальной раздробленности арабские страны, лишает каждую страну в отдельности предпосылок самостоятельного экономического и политического развития, препятствует национально-государственному объединению арабских народов»⁶.

«Арабские народные массы чувствуют, что для того, чтобы сбросить иго империализма, они должны соединить свои усилия, опираясь на общность языка, исторических условий и (наличие) общего врага»⁷.

Резолюция выдвигала задачу создания всеарабского революционного антиимпериалистического фронта. Она указывала, что «коммунисты обязаны вести борьбу за национальную независимость и национальное объ-

⁴ См. Амин Саид, Указ. соч., т. II, стр. 21; G. Antonius, *The Arab Awakening*, L.—N.Y., 1948, стр. 286—287; D. Lloyd-George, *The Truth about the Peace Treaties*, т. II, L., 1938, стр. 1039; F. Cataluccio, *Storia del nazionalismo arabo*, Milano, 1939, стр. 68—70.

⁵ Цифры численности населения арабских стран взяты для того времени, о котором здесь идет речь, т. е. для 1920—1930 гг.

⁶ Сборник «Программные документы коммунистических партий Востока», М., 1934, стр. 160—161.

⁷ Там же, стр. 163.

единение не только в узких и искусственно созданных империализмом и династическими интересами границах отдельных арабских стран, но во всеарабском масштабе, за национальное объединение всего (арабского) Востока. В преодолении искусственно созданных границ антиимпериалистическое революционное движение должно найти свою силу, приобрести подлинно революционный размах, стать центром притяжения для самых широких масс... Не должно быть такого положения, когда бы взрыв революционного антиимпериалистического движения в Египте, Палестине или в какой бы то ни было другой арабской стране проходил изолированно и без поддержки других арабских стран. Коммунистические партии призваны выступить организатором борьбы за национально-освободительную антиимпериалистическую революцию во всеарабском масштабе»⁸.

Прошло 25 лет с тех пор, как была принята эта резолюция, а ее призыв к единству действий арабских народов, к всеарабской национально-освободительной антиимпериалистической революции, осуществляемый в наши дни, звучит так свежо и актуально, как будто она была написана только вчера.

Конечно, на пути арабских народов к единству было немало препятствий: и колониальный гнет, и раздел этих стран между империалистами, и политика империализма, направленная к поощрению феодального, племенного, религиозного сепаратизма, политика разжигания вражды правящих клик, феодальных кланов, соперничающих религиозных сект и общин. Существенными препятствиями на пути к объединению явились также экономическая раздробленность арабских стран, не преодоленная еще до настоящего времени, отсутствие прочных экономических связей, различие экономических и политических условий в разных странах, различие уровней их развития.

Большой вред движению принесли попытки империалистов использовать в своих интересах стремление арабских народов к единству с целью втянуть эти народы под предлогом «единства» в различные империалистические блоки типа багдадского пакта и в сомнительные федерации типа «Великой Сирии», находящиеся под империалистическим контролем. Англия пыталась использовать в своих интересах и основанную в 1945 г. «Лигу арабских государств», но в конечном счете Лига не оправдала ее надежд.

Подъем национально-освободительной борьбы арабских народов после второй мировой войны неизмеримо укрепил арабское единство. Оно проявилось в той поддержке, которую арабские народы оказали Сирии и Ливану, развернувшем тотчас же после окончания войны, в 1945—1946 гг., борьбу за вывод англо-французских войск со своих территорий. Оно проявилось и в той помощи, которую арабские народы оказывали Тунису и Марокко в их борьбе за независимость и которую в настоящее время они продолжают оказывать алжирскому народу. Арабское единство сказалось и в той борьбе, которую арабские народы вели за освобождение Палестины от сионистского гнета. Оно выразилось также в поддержке египетского народа, боровшегося за вывод английских войск из зоны Суэцкого канала, в поддержке независимости Судана и Ливии.

Единство арабских народов нашло яркое выражение в их современной борьбе против империалистических блоков — особенно против багдадского пакта. Когда империалисты и их сателлиты весной 1955 г. оказали грубое давление на Сирию с целью вовлечь ее в этот враждебный арабским народам блок, Египет, Саудовская Аравия и другие арабские страны оказали энергичную поддержку Сирии в ее стремлении отстоять свою независимость. Когда в конце 1955 г. небольшой иорданский народ, насчитывающий около 1 миллиона человек, восстал против вовлечения его родины в багдадский пакт и по существу одержал победу над крупной

⁸ «Программные документы коммунистических партий Востока», стр. 167.

империалистической державой — Великобританией, он мог сделать это потому, что опирался на поддержку всех арабских народов. На почве совместной борьбы против багдадского пакта сложился оборонительный союз Египта, Сирии, Саудовской Аравии, Иордании, Йемена — союз, направленный к защите этих стран от империалистических посягательств.

Наиболее ярко проявилось единство арабских народов в том, что они единодушно поддержали национализацию компании Суэцкого канала, а в дни империалистической агрессии Англии, Франции и Израиля против Египта решительно выступили на стороне последнего, предоставив в его распоряжение свои войска. Вывод англо-французских войск из Египта был воспринят в арабских странах как общая победа всех арабских народов.

Чем выше поднималась волна национально-освободительного движения в арабских странах, тем крепче становилось единство арабских народов. Конечно, империалисты и их агентура и сейчас пытаются расколоть это единство. В этом отношении позорную роль играет правящая группа Ирака, не прекращающая своих происков против независимых арабских государств. Однако народное движение в Ираке, направленное против участия Ирака в багдадском пакте, ясно показывает, что иракский народ не противопоставляет себя другим арабским народам и в тесном единстве с ними борется за те же освободительные цели.

Арабское единство охватывает все более широкий круг различных отраслей общественной жизни.

В апреле 1956 г. основана Всеарабская конфедерация профсоюзов, объединившая профсоюзы ряда арабских стран⁹. Проводятся общерабские рабочие конгрессы. Проводятся регулярно межарабские конгрессы ученых, врачей, писателей, архитекторов, инженеров, учителей, парламентариев, представителей различных политических партий и т. д. Создана «Лига арабских писателей», объединяющая деятельность прогрессивных литераторов всех арабских стран. Проводится унификация школьных программ. Создан Институт арабских знаний в Каире — учебный и научный центр, в котором представлены все арабские страны, Арабская академия наук в Дамаске также по существу играет роль не только сирийского, но общерабского научного центра. Проводятся межарабские экономические конгрессы, направленные к достижению экономического единства между арабскими странами. В этом же направлении действуют экономические соглашения, например, недавно заключенное соглашение между Сирией и Иорданией. Армии Египта, Сирии, Саудовской Аравии, Иордании, Йемена в настоящее время находятся под единым командованием. Разрабатываются планы федерации арабских стран, например Египта и Сирии, как союза независимых арабских государств, навеки покончивших с колониальным гнетом.

В связи с этим идея арабской нации находит свое отражение в официальных актах арабских государств.

Статья 1 новой Конституции Республики Египет, принятой в 1956 г., гласит: «Египет — арабское независимое и суверенное государство, оно является демократической республикой. Египетский народ — часть арабской нации»¹⁰. Аналогичные статьи имеются в конституциях Сирийской республики и Иорданского королевства. Таким образом, идея единства арабской нации получила признание не только в сознании народных масс, но и в основных законах ряда арабских государств.

В связи с проблемой арабской нации перед нами возникает ряд вопросов. Что представляет собою арабская нация в понимании различных идеологов арабского национального движения? Каковы объективные материальные предпосылки формирования этой нации? На каком историческом фундаменте основано национальное единство арабов? Завершился ли уже процесс становления арабской нации или он все еще

⁹ См. газету «Аль-Ахрам», Каир, 14 апреля 1956 г.

¹⁰ «Конституция республики Египта», М., 1956, стр. 8—9.

продолжается? Как мыслится существование единой нации, состоящей из ряда народов, являющихся ее частями? Как совместить концепцию единой арабской нации с концепцией египетской нации, ливанской нации, суданской нации, алжирской нации и т. д.? Каково отношение к проблеме единой арабской нации народов Магриба, имеющих ряд особенностей развития? Все эти вопросы чрезвычайно сложны, и в рамках одного доклада невозможно осветить и тем более проанализировать их исчерпывающим образом. Для этого потребовалось бы написать ряд исследований. Однако в порядке постановки вопроса необходимо отметить следующее.

Из предшествующего краткого обзора ясно, что братская солидарность арабских народов в их антиимпериалистической освободительной борьбе, коренная общность их политических интересов, их общее стремление отстаивать свою национальную независимость — все это служит основной и важнейшей предпосылкой арабского единства, все это является стимулом к укреплению арабского единства и образует ту прочную связь, которая цементирует это единство.

Но единство и общность коренных политических интересов, какое бы огромное и решающее значение они ни имели, недостаточны для образования нации. Известно, что Союз Советских Социалистических Республик основан на коренной общности интересов народов, входящих в его состав. Но эти народы, теснейшим образом сплоченные между собой, не образуют единой нации; это братский союз различных социалистических наций, многонациональный союз, интернациональный союз. То же можно сказать о союзе всех стран социалистического лагеря, основанном на коренной общности интересов. Общность интересов лежит и в основе многонационального союза народов Азии и Африки, сложившегося в ходе их героической борьбы с колониализмом и получившего свое оформление в Бандунге. Очевидно, единство арабских народов может рассматриваться как национальное единство лишь в том случае, если братский союз этих народов опирается не только на коренную общность политических интересов, но и на другие общие признаки, необходимые для образования нации.

Как же стоит этот вопрос в арабской литературе, как он оценивается арабской общественной мыслью?

Один из наиболее видных современных идеологов арабской национальной буржуазии, известный философ и педагог Абу Хальдун Сати' аль-Хусари в своей книге «Аль 'Уруба аввалян» («Арабское национальное самосознание прежде всего»), опубликованной в Бейруте в 1955 г. прогрессивным издательством «Дар аль-Ильм ли-ль-Маляйин», дает следующее определение арабской нации, которое является своего рода кредо, символом веры сторонников этой идеи:

«Все страны, жители которых говорят на арабском языке, суть арабские страны (биляд 'арабийя). Как бы многочисленны ни были державы, управляющие ими, как бы различны ни были флаги, развевающиеся над их правительственными зданиями, как бы извилисты и запутаны ни были границы, кроющие их на отдельные политические части, — это арабские страны.

А страна арабов (биляд аль-'араб) — это не только Аравийский полуостров, как думают некоторые, это — все страны, население которых говорит на арабском языке. От гор Загроса на востоке до Атлантического океана на западе, от берегов Средиземного моря и возвышенностей Анатолии на севере до Индийского океана, истоков Нила и Великой пустыни на юге — все это входит в ареал «страны арабов».

Всякий, кто принадлежит к арабским странам (йянтасибу иля-ль-биляд аль-'арабийя) и говорит на арабском языке, — есть араб. Как бы ни называлось государство, подданным которого он официально является; какова бы ни была вера (дийяна), которую он исповедует, и религи-

озное течение (мазхаб), к которому он принадлежит; каковы бы ни были его происхождение, его генеалогия, история его семьи — он араб.

А арабское самосознание (уруба) — не есть особая черта сынов Аравийского полуострова и оно присуще не только мусульманам. Оно охватывает каждого, кто принадлежит к арабским странам и говорит на арабском языке. Будь то египтянин или кувейтец или марокканец; будь то мусульманин или христианин; будь то суннит или шиит или друз; будь то католик или православный или протестант — он из сынов арабского духа (мин абна' аль-уруба) — пока он относит себя к арабским странам и говорит на арабском языке».

И заключение: «Арабы — единая нация. А египтяне, иракцы, магрибинцы и т. д. — это только народы (шу'уб) и ветви (фуру') единой нации, и это — арабская нация (аль-уммат аль-арабийя)»¹¹.

Таким образом, Сати' аль-Хусари считает двумя признаками арабской общности: во-первых, принадлежность к арабским странам; во-вторых, арабский язык. Но так как арабские страны определяются им как страны, «жители которых говорят на арабском языке», то по существу он сводит все дело только к общности языка.

Несомненно, общность арабского языка является важнейшим фактором национального единства арабов. Без этой общности не может быть единой нации. Но, как известно из многочисленных исторических примеров, одна только эта общность еще не образует нации.

Другой идеолог, представляющий прогрессивную, близкую к рабочему классу интеллигенцию, д-р Джордж Ханна в книге «Реальность арабского мира» (Вақи' аль-Алям аль-Араби'), вышедшей в Бейруте двумя изданиями — в 1952 и 1954 гг., также придает большое значение языковой общности арабов, однако указывает и на другие общие факторы. Он пишет: «Арабский мир — это реальное единство, которое не может быть опровергнуто. Элементы, которые способствуют его объединению, не могут быть ослаблены никакими преходящими факторами. Хотя мы признаём влияние этих факторов на единство арабского мира, но мы не признаём, что они способны опровергнуть его»¹².

Среди этих элементов, способствующих единству арабского мира, Ханна ставит на первое место единство языка, затем единство истории, единство судьбы, единство интересов.

В империалистической литературе существует концепция, отрицающая единство арабского языка. Странники этой концепции считают, что литературный арабский язык, единый для всех арабских народов, непонятен народным массам; что народные территориальные диалекты являются особыми языками; что обучение в арабских школах ведется по существу на иностранном языке, каковым является для народных масс литературный арабский язык, и что этим в значительной мере объясняется массовая неграмотность в арабских странах; что в этих странах фактически сложилось двуязычие: официальным и литературным языком является классический язык корана, мертвый, окостенелый, чуждый народу; разговорным же языком является территориальный диалект, отделенный якобы непроходимой пропастью от литературного языка. Надо сказать, что отдельные сторонники этой концепции встречаются и в арабских странах, даже среди прогрессивных деятелей. Они добавляют при этом, что единый литературный язык служит полезным средством общения между арабскими народами, но внутри отдельных арабских стран развиваются свои национальные языки, основанные на разговорных диалектах.

Эта концепция обычно вызывает острые и страстные возражения со стороны арабских патриотов всех направлений, которые справедливо

¹¹ Сати' аль-Хусари, Аль-Уруба аввалян! Бейрут, стр. 11--13. (Разрядка всюду моя. — В. Л.).

¹² Дж. Ханна, Вақи' аль-Алям аль-Араби, Бейрут, 1954, стр. 4.

усматривают в ней оскорбление своего национального достоинства, попытку увековечить культурную отсталость арабских народных масс, подход к арабам, как к неполноценному народу, который не в состоянии усвоить свой собственный литературный язык.

Не излагая детально критику этой концепции, я отмечу лишь следующие моменты.

Прежде всего так называемая пропасть между литературным языком и разговорными диалектами в арабском языке не больше, чем в других языках мира. Различия сводятся в основном к некоторым фонетическим изменениям, к некоторому упрощению грамматики диалектов и к использованию в их лексике ряда жаргонных, зачастую иностранных — турецких или западноевропейских слов и словечек, реже — областнических выражений (против засорения подобными словами русского языка в свое время вели борьбу В. И. Ленин и А. М. Горький).

Фонетические различия не очень велики: если в литературном языке слово гора произносится как «джебель», а в египетском диалекте как «гебель», газета — соответственно «джарйда» и «гарйда», республика — «джумхурйя» и «гумхурйя» и т. д., то это различие вряд ли настолько велико, чтобы можно было говорить о двух различных языках. То же надо сказать о пропуске звука «қ» («аля» вместо «қаля»), о пропуске некоторых гласных («кбйр» вместо «кабйр») в различных территориальных диалектах, о замене звука «т» звуком «ц» в марокканском диалекте («цацц» вместо «тахта», «ца'рйх» вместо «та'рйх» и т. д.).

Фонетические различия подобного рода можно встретить в разговорных диалектах любого языка. То же нужно сказать и о грамматических конструкциях, и о местной лексике. Поэтому непроходимой пропасти между разговорными диалектами и литературным языком, конечно, нет.

Автор книги «Египет», пишущий на английском языке, жалуется на то, что изучение арабского языка в школах требует слишком много времени; для того чтобы писать грамотно на арабском литературном языке, школьник затрачивает не меньше времени, чем на изучение иностранного языка¹³. Но ведь то же самое наблюдается и в других языках. Разве в наших школах русскому языку не отводится большая доля времени по сравнению с иностранными? И разве овладение грамматикой русского языка, как и большинства языков мира, не требует упорного труда?

Классический арабский язык — это не только язык корана, это язык замечательных исторических и географических трудов арабского средневековья, написанных предельно просто и ясно. В позднее средневековье литературный язык был действительно засорен турецкими и персидскими словами, канцелярской фразеологией, тяжелыми риторическими оборотами. Но дальнейшее развитие этого языка шло, с одной стороны, в направлении не к закостеневшим и мертвым, а к живым, простым и ясным классическим образцам, с другой стороны, в направлении обогащения современной научно-технической и политической терминологией.

Арабские патриоты уверены, что по мере развития просвещения арабские народные массы сумеют овладеть и этой терминологией, и этими знаниями и научатся грамотно читать и писать на своем родном языке; что эта задача не является такой сложной, как ее пытаются изобразить противники национального просвещения; что вопреки мнению идеологов империализма, обучение на родном арабском литературном языке и легче, и нужнее арабским народным массам, чем обучение на французском или английском языках.

Странным кажется и то предположение, что территориальные диалекты, не имеющие ни письменности, ни литературы, ни научно-технической

¹³ Ch. Issawi, Egypt; an Economic and Social analysis, L., 1947, стр. 179. Цит. по статье А. Ф. Султанова «Национальный язык и реформа письменности в странах Арабского Востока», сб. «Академику В. А. Гордлевскому к его 75-летию», М., 1953, стр. 257.

и политической терминологии, могут в их современном виде служить национальными языками. Процесс превращения диалектов в такие языки потребовал бы длительного времени и, вероятно, задержал бы культурное развитие арабских народов.

Идею единства и жизнениости арабского языка ярко выразил великий египетский поэт XX в. Хафиз Ибрахим. В своей касыде «Арабский язык» он в образной поэтической форме как бы подвел итоги этой дискуссии.

Я — Великий арабский язык —
к счастью, к жизни
народ мой родной призываю.
Я пришел в себя
после тяжкого рабства
и ныне гонителей грубых моих
в клевете обвиняю.
Не они ли твердили годами,
будто я ни на что не пригоден;
будто я весь засох на корню
и теперь, как пустыня, бесплоден;
будто дети мои — золотые слова, —
разбегаясь по знойным равнинам,
неспособны названия дать
иностранным машинам...
Если так, то тогда почему
плачут в песнях звенящих моих
бесперывные бури?
Почему же так образна речь
нашей древней культуры?...
Средь народного горя и бед
я звать никогда не устану.
Задушить невозможно меня
никакому тирану...
Пусть владыки колоний опять,
как они это делали вечно,
надо мной, над живым языком
произносят могильные речи.
Это выгодно им. Только я
все еще своим словом владею.
Умирать ни за что не хочу,
да и права на то не имею¹⁴.

Языковое единство арабских народов, конечно не существовало извечно. Оно является продуктом длительного исторического развития. До VII в. н. э. ареалом распространения арабского языка был Аравийский полуостров, но этот язык издавна проникал в Сирию и Ирак (Хира, Пальмира, государство Гассанидов). С. П. Толстов правильно отмечает, что распространению арабского языка в Сирии, Палестине и Месопотамии после арабских завоеваний способствовало то обстоятельство, что в этих странах задолго до арабских завоеваний сложилось языковое единство и что господствовавший на всем этом пространстве арамейский язык был крайне близок к арабскому. Несколько дальше отстояли коптский язык, господствовавший до арабского завоевания в Египте, и берберские диалекты, господствовавшие в Северной Африке, однако и они входили в ту же семью семито-хамитских языков. Арабизация этих районов потребовала большего времени, но в конце концов и здесь арабский язык

¹⁴ Перевод В. Журавлева, сб. «Стихи поэтов Египта», М., 1956, стр. 112—113.

вышел победителем, и народы Северной Африки приняли его, стали арабоязычными, или арабскими, народами. За этими пределами, в зонах распространения романских, иранских, тюркских языков, арабские завоевания не привели к победе арабского языка. Он служил здесь некоторое время языком культуры, науки, религии, официальной переписки, но народные массы сохранили свои языки и не подверглись процессу арабизации.

В настоящее время процесс арабизации берберских племен целиком завершился в Тунисе; в Алжире берберские диалекты сохраняются лишь в горах Кабилии и в оазисах Сахары; в Марокко около 40% населения еще говорит на берберских диалектах, но в это число включаются и двуязычные арабо-берберские племена, которые пользуются в равной мере и арабским языком и соответствующими берберскими диалектами. Даже в диалектах чисто берберских племен — в их лексике, топонимике, генеалогии — очень сильны арабские влияния¹⁵. Что касается коптского и арамейского языков, то они целиком или почти целиком вытеснены из жизненного обихода и сохранились лишь как языки священных книг, языки христианских религий древнего Востока, существующих и в настоящее время. На арамейском языке в настоящее время говорят айсоры, а также жители нескольких глухих деревушек, затерянных в горах Антиливана.

Несомненно и обратное влияние коптского, арамейского языков и берберских диалектов на арабский язык и его территориальные разговорные диалекты.

Наряду с общностью языка исторически сложилась еще в средние века общность арабской культуры. Она впитала в себя наследие античных культур Эллады и древнего Востока; она развивалась в тесном взаимодействии с культурами среднеазиатских и других народов средневекового Востока; она была обогащена творческим гением арабских народов; она оказала огромное влияние на культурное развитие стран Европы. Эта культура была общей для всех арабских стран от Магриба до Ирака. После упадка ее в мрачные времена турецкого завоевания, в XIX—XX вв., развивается уже на современной основе и в тесной связи с национально-освободительным движением новая арабская культура, новая арабская литература. Ее очагами и центрами являются наиболее развитые арабские страны — Египет, Сирия и Ливан, но по мере развития других арабских стран и их пробуждения от средневекового застоя они также втягиваются в орбиту этой культуры, принимающей общеарабский характер.

В империалистической историографии XX в. распространена концепция, утверждающая, что арабской культуры не существовало вовсе, что так называемая «арабская культура» была целиком создана другими народами, а участие арабов в ее создании было равно нулю.

Советской науке в целом чужды эти представления, хотя они нашли некоторое отражение в трудах отдельных ученых, например М. А. Салье¹⁶. Подчеркивая наличие высоких самостоятельных средневековых культур народов Средней Азии, Закавказья и Ирана, находившихся в тесном взаимодействии с арабской культурой, советская наука высоко ценит вклад арабов в развитие общечеловеческой культуры. Эта высокая оценка нашла свое отражение в произведениях таких выдающихся деятелей русской культуры, как Пушкин, Гоголь, Толстой, Горький. Советская наука по праву гордится тем, что в ее рядах работал один из лучших знатоков арабской культуры — и средневековой, и но-

¹⁵ Процесс арабизации берберских племен подробно исследован в работе М. В. Чуракова «Берберы и арабы в этнической истории Алжира», «Сов. этнография», 1955, № 1, стр. 72—93.

¹⁶ См. М. А. Салье, Об освещении роли так называемой «арабской культуры» в Средней Азии, Труды Ин-та востоковедения, АН Узбекской ССР, вып. III, Ташкент, 1954.

вой — акад. И. Ю. Крачковский, который утверждал, что современные арабы являются одним из наиболее культурных народов Востока¹⁷.

Наряду с общностью языка и общностью культуры арабские писатели отмечают общность исторической судьбы арабских народов. Дж. Ханна справедливо утверждает, что если взять историю любой арабской страны на протяжении веков, то ее невозможно понять в отрыве от истории других арабских стран¹⁸. В VII—IX вв. все арабские страны входили в состав халифата, в XVI—XVIII вв. — в состав Османской империи. В XIX—XX вв. они стали жертвами колониальной политики империализма. В наше время все они совместными усилиями ведут борьбу за свое национальное освобождение, за свое самостоятельное экономическое, политическое и культурное развитие. Даже до арабского завоевания, в древние времена весь этот ареал представлял собой по существу единый исторический комплекс, тесно связанный общностью судеб. Конечно, историческое развитие каждой отдельной арабской страны имело те или иные особенности, но наличие общей линии развития для всех арабских стран несомненно.

Наконец, нельзя не отметить, что все арабские страны представляют сплошной территориальный массив, который расположен в Передней Азии и Северной Африке. Пустыни никогда не служили непреодолимым препятствием для связи между этими странами.

Итак, арабские ученые — лингвисты, этнографы, историки, литературоведы — доказывают, что арабские народы имеют общность языка, культуры, общность исторических судеб, территории. Их объединяет также общность политических интересов, которая не является признаком нации, но неизмеримо укрепляет национальные связи.

Надо, наконец, отметить, что все арабские страны, одни раньше, другие позже, вступили на путь капиталистического развития. Одни из них, например Йемен, Саудовская Аравия, находятся на начальных стадиях перехода от феодализма к капитализму; другие, например Египет и Ливан, находятся на значительно более высоком уровне развития капиталистических отношений. Но все они так или иначе уже вступили в ту историческую стадию, законом которой является национальная консолидация, процесс образования наций.

Все это свидетельствует о том, что здесь существует ряд объективных исторических условий, необходимых для образования единой арабской нации.

Однако экономическое единство между различными частями арабского мира еще не достигнуто. В результате многих веков феодального гнета, в результате полуторавековой политики европейских колониалистов, искусственно отделявших одни арабские страны от других, — экономическое единство арабских стран в прошлом не могло быть осуществлено. Если вопреки империализму и складывались прочные экономические связи, то лишь между отдельными арабскими странами, например, между Сирией и Ливаном. Сейчас же, когда арабские страны освободились от колониального гнета, несомненно существуют предпосылки для развития широких экономических связей между ними и складывания единого рынка. Будущее покажет, как скоро и в какой форме эти предпосылки получат свое осуществление.

Другая трудность заключается в том, что в процессе длительного исторического развития сложились различные арабские народы, существования которых, как отдельных частей арабской нации, не отрицают и сторонники национального единства арабов. Как совместить существование этих народов с существованием единой арабской нации? Историче-

¹⁷ См. И. Ю. Крачковский, Возникновение и развитие ново-арабской литературы, журн. «Восток», П., 1922, № 1, стр. 68.

¹⁸ Дж. Ханна, Указ. соч., стр. 13.

ская действительность пока еще не дала ответа на этот вопрос. Но ближайшее будущее несомненно покажет, каким путем будет осуществляться эта новая форма национального развития.

На практике арабское единство не представляет больше проблемы. Оно достигнуто арабскими народами в ходе их совместной национально-освободительной борьбы, оно воплощено в жизнь, и мы, советские люди, всем сердцем желаем арабам сохранения и укрепления этого единства.

Несомненно, и проблема становления единой арабской нации будет решаться не учеными за письменным столом, но самими арабскими народами в процессе их общественной практики. Однако понимание этой проблемы требует теоретического разрешения ряда сложных вопросов лингвистики, истории, истории культуры, этнографии, экономики, правовых и политических наук. Долг советской науки — организовать совместно с арабской наукой комплексное исследование этих вопросов. Долг советских ученых — совместно с учеными арабских стран оказать теоретическую помощь арабским народам в их справедливой борьбе за единство, национальную независимость и свободу арабского мира.
